

Постмодерн как инструмент цивилизационной энтропии

В.Э. Багдасарян, доктор исторических наук

Ключевой вопрос в рассматриваемой проблематике связан с выбором методологической матрицы. Докладчиком была предложена версия мирового развития, восходящая к парадигме стадияльного подхода. Модерн приходит на смену традиционного общества, а постмодерн, в свою очередь, сменяет собой эпоху модернизма. Но насколько применима такая методология к исследованию феномена цивилизаций? Упомянулся в дискуссии А.Д. Тойнби. Однако воззрения английского историка менее всего укладываются в схему универсального стадиялизма. А может быть, оставив в стороне модели стадияльного развития, посмотреть на сам постмодерн с точки зрения цивилизационного подхода? Возможно, полученные на его основании выводы будут принципиально иными, чем те, которые были получены докладчиком.

Постмодерн преподносится как бренд, характеризующийся принципиальной исторической новизной. Однако если посмотреть на него с точки зрения цивилизационного подхода, то ничего принципиально нового в сущностном содержании данного феномена мы не обнаружим. Постмодерн основывается на релятивизме. Сходные с ним явления достаточно четко и достаточно часто фиксируются в истории цивилизаций. Релятивистский синдром выступал индикатором кризисного состояния этих самых цивилизационных систем. Ставились под сомнение традиционные системы функцио-

нирования цивилизаций. Как следствие — цивилизационная энтропия.

Классический пример — кризис полисной системы античной Греции. Ее духовное разложение катализировала философия софизма. Истина, учили софисты, если она и есть, то ее никто и никогда не узнает. Знание субъектно. Прежде жизнь полиса определяла жесткая этическая шкала координат. Теперь она оказалась размытой. Прежде сознание эллина определял императив служения своему городу-государству и общегреческой системе ценностей. Затем он превратился из императива в вопрос: а надо ли служить своему городу-государству и общегреческой системе ценностей? И многие находили, что отнюдь не обязательно.

Этическим преломлением релятивизма стал скептицизм. По постмодернистскому сценарию гибели в принципе все цивилизации. Постмодернизм ставит под сомнение саму основу цивилизационного существования. Это индикатор надвигающейся гибели.

Постмодернизм — в плане его политического осмысления — есть, безусловно, проект. Он распространялся в качестве нового интеллектуального бренда во многом преднамеренно. Эта преднамеренность связывалась с попыткой уничтожения геополитических противников. Если модернистская эпоха уничтожала традиционные институты, то постмодернистская — сохранившиеся элементы традиционного сознания. В этом смысле я бы воздержался от противопоставления модерна и постмодерна. Постмодернистская эпоха явилась прямым логическим следствием модернистской.

На практике свидетельство проектности постмодернизма — избирательность его имплементаций. Посмотрим хотя бы на внешнюю политику США. Никакой постмодернистской релятивности мы в ней, естественно, не обнаружим. Для Белого дома все предельно ясно: есть свободный мир, и есть пояс зла. Какой уж тут постмодерн? Система постанов-

ки вопроса предполагает однозначность ответа. Если не согласны, то получите бомбы.

Государства, констатирует докладчик, подменяются ТНК. Данная сюжетная линия также не отличается особой исторической новизной. Через историю любой из цивилизаций красной нитью проходит борьба государственной власти с олигархами. Шла она с переменным успехом. Победы государственных устроителей усиливали, в целом, цивилизационную устойчивость. Победы олигархов могли привести цивилизацию к порогу гибели. Образ «семибоярщины», следует напомнить, имел отнюдь не современное происхождение.

Содержится ли историческая новизна в международной интеграции олигархов? Еще в XIX в. она была в повестке общественно-политического дискурса. Достаточно посмотреть на деятельность еврейских ростовщиков, чтобы убедиться, что сюжет об олигархической интеграции насчитывает не одно столетие. Общественные трансформации XIX столетия, традиционно определяемые маркером буржуазных революций, проходили именно под знаком борьбы олигархов с феодальной государственностью. «Дайте мне возможность печатать и контролировать деньги, — говаривал один из Ротшильдов, — и мне все равно, кто будет издавать законы».

Впрочем, отрицание исторической новизны формирования олигархического интернационала не означает деактуализацию проблемы. Если существует целевая установка интеграции олигархов разных стран, то может быть предложена в ответ на этот вызов и рецептура интеграции государств.

Весьма перспективной представляется мысль о дифференциации национальных государств и государств вообще. Не всякое государство есть государство национальное. Национальная государственность является исключительным явлением европейской культуры. Его генезис восходит, с одной стороны, еще к великому переселению народов. В результате него сформировалось специфическое рассредоточение населения Европы по племенному принципу, по своим

«национальным квартирам». С другой стороны, европейское национальное государство формировалось как вызов против традиционного общества. По большому счету, это был вызов Римской империи. Национальная модель государственности приходила на смену имперской модели. Неслучайно, что именно Наполеон, поднявший знамя европейских наций, подвел черту и поставил точку под историческим существованием Священной Римской империи. Национальное государство упраздняло прежнюю систему полифонической, многоэтнической организации государства.

В России, да и не только в ней, формировалась принципиально иная модель государства. Российская государственность определялась не национальной, а цивилизационной парадигмой.

Другое дело, что концепт государства-нации в той или иной мере сознательно экспортировался в различные регионы, будучи преподнесенным как универсальный рецепт. Но национальное государство — это путь не от простого к сложному, а от сложного к простому. Это путь, ведущий к редукации, а соответственно, и энтропии той цивилизационной системы, в которую он имплементировался.

Кризис национального государства не является кризисом государственности вообще. Вопрос о том, каким будет новый тип государства, может стать предметом дальнейшего обсуждения.